

A movie poster featuring a man in a dark suit and tie standing behind a woman with blonde hair and glasses. Two young girls with bows in their hair are in the foreground. The background is a modern office with large windows showing a city skyline.

ЗЛАТА
ЗОРИЧ

ПАРА ПРИЦЕПОВ
ДЛЯ БОССА

СОВРЕМЕННЫЙ ЛЮБОВНЫЙ РОМАН

Злата Зорич

Пара прицепов для босса

<https://litres.ru/74204598>

Аннотация

— А вы чего так рано?... — пробормотал муж, глядя куда-то в пол. — Я собирался... — Уйти? — закончила я за него. Денис так и не осмелился сказать вслух это слово. Я стояла вся насквозь мокрая, с дочерьми, испуганно прижавшимися ко мне — а он уходил. — К ней? — спросила глухо. Денис виновато опустил глаза. После предательства мужа я осталась одна с двумя детьми и долгами. Эта работа — мой единственный шанс. Начальник — жёсткий, холодный тип, который сразу же меня невзлюбил. Но, как оказалось, грань между ненавистью и влечением у него слишком тонка... Я не искала любви. Я просто хотела выжить. Но Максим Воронцов — мужчина, с которым невозможно остаться равнодушной.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	11
Глава 3	18
Глава 4	25
Глава 5	33
Глава 6	42
Глава 7	49
Глава 8	57
Глава 9	65
Глава 10	72
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Глава 1

Мы возвращались домой в воскресенье вечером — уставшие, промокшие, раздражённые. Автобус сломался где-то на полпути от вокзала, такси заломили нереальный ценник. Вера капризничала, Софья молчала с надутыми щеками.

Дождь начался внезапно, как это бывает в апреле: мелкий, колющий, с ветром, от которого зябко даже под капюшоном. Я спешила домой: в одной руке — зонт, в другой — Вера. Она заснула у меня на плече, тяжёлая, тёплая. Софья плелась рядом, усталая, с рюкзаком, который казался больше неё.

Подъезд показался мне спасением. Наконец-то дом! Тёплый, уютный. Наш! Пусть и в ипотеке.

Я только хотела вставить ключ в замочную скважину, как дверь распахнулась.

На пороге стоял Денис, мой муж. С чемоданом.

Мы замерли напротив друг друга. Я даже не сразу поняла, что произошло. Не сообразила. Просто уставилась на него, как на соседа по лестничной клетке, который открыл не ту дверь.

— А вы чего так рано?.. — пробормотал Денис, глядя куда-то в пол. Он вообще старался смотреть куда угодно, только не в мои глаза.

Я почувствовала, как тяжелеет Вера, а я уже не в силах держать ее на онемевшей руке. Она сползла с моего бедра, и

я медленно, с усилием, выпрямилась.

— А ты... что ты делаешь? — спросила побелевшими губами.

— Я... я собирался... — он кашлянул, опустил глаза. Немного прошел вперед, и я увидела за его спиной коридор.

Там нет его ботинок. Не висят его куртки. Он абсолютно пустой.

— Уйти? — закончила я за него. Денис так и не осмелился сказать вслух это слово.

Я стояла вся насквозь мокрая, с дочерьми, испуганно прижавшимися ко мне — а он уходил.

— К ней? — спросила глухо.

Денис виновато опустил глаза и произнес, будто бы извиняясь.

— Я хотел... Пока вас не было. Чтобы без сцен.
Без сцен.

Он бросает меня с двумя маленькими детьми, без работы и мешком долгов, и хочет, чтобы это прошло "без сцен".

— Чтобы дети не видели... — продолжил муж.

— Они уже увидели, — оборвала я его.

Он сжал губы. Неловко переступил с ноги на ногу, потом поднял чемодан и шагнул за порог.

— К ней уходишь? — снова спросила я. Мне нужно было услышать ответ на этот вопрос, хотя он, конечно, был уже очевиден.

Он скривился раздраженно.

— Рит... ну не начинай, а? Я хотел по нормальному...

— По нормальному?! — я возмутилась, но тут же заставила себя понизить голос, чтобы не пугать детей. — Ты уходишь, пока нас нет дома. Без слов. Без объяснений. Ты хотел сбежать, Денис?

Он отвёл взгляд.

— Я не сбегаю. Я просто... Банально, но я больше так не могу.

— А я могу? А дети могут?

— Я устал, Рит, — сказал он резко. — Устал, слышишь? Мы всё время на грани. Ты сама не своя. Вечно эти разговоры про долги, про садик, про то, что что-то непонятное происходит с Верой. Я прихожу домой — и будто попадаю в какой-то дурдом!

— Потому что я вытягиваю всё на себе одна! — рванулось из меня. — Потому что ты исчезаешь на работе, не берёшь трубки, у тебя вечные «совещания»!

Он вскинул подбородок.

— Лучше бы я сразу ушел. Вот честно. У тебя вечные претензии, вечно ты чего-то ждёшь. И ничего не можешь дать взамен.

— А она может? Та, к которой ты уходишь? Она может заботиться о тебе, гладить тебя по голове, не спрашивать, почему на карточке минус тридцать тысяч?

— Это не твоё дело.

— Не моё? — я сделала шаг вперёд. — А кредит, который

ты оформил на меня — это моё? Твои долги — это моё?

— Я отдам!

— А что тебе раньше отдать мешало?

Соня вдруг зашептала:

— Мам, не надо...

Я глянула вниз. Она стояла, кутаясь в капюшон, глаза — бездонные, все понимающие. Как у взрослой.

И мне стало мерзко. От него. От самой себя, которая не сдержалась и начала выяснять отношения при детях и кричать на мужа прямо на лестничной площадке. От того, что дети стоят и слушают подробности наших семейных проблем.

Я сделала шаг в сторону, отступила, давая возможность Денису пройти.

— Уходи, — бросила ему. — Не хочу больше тебя видеть...

Он помолчал. Потом тихо выдавил:

— Прости.

Подхватил чемодан. Посмотрел на Веру. На Соню. Для них слов у него не нашлось.

Денис прошёл мимо нас, прижавшихся к стене, чтобы его пропустить, и начал спускаться по лестнице, не оборачиваясь. Словно он уходил для того, чтобы выбросить мусор и через минуту вернуться.

Словно мы были прошлым, которое он уже забыл.

Когда шаги стихли, я всё ещё стояла в оцепенении. Никак

не могла поверить в то, что это действительно произошло.

— Мам... — голос дочери выдернул меня из этого состояния. — Папа больше не будет с нами жить?

— Нет, — тихо сказала я. — Не будет.

Соня кивнула, как будто примерно такого ответа она и ждала, потом взяла Веру за руку и повела её в квартиру. Я вошла за ними следом, заперла дверь, попыталась занять себя рутинными делами, чтобы отвлечься, а в голове у меня звенело.

Он ушёл.

Пока я с мамой моталась с Верой по врачам, пытаюсь добиться если не помощи, то хоть какого-нибудь объяснения того, что с ней происходит, он собирал вещи.

Пока я спасала наш корабль, он спрыгнул в шлюпку. И оставил меня тонуть.

Я знала, что рано или поздно все закончится. Но не думала, что так подло и быстро. Конец формы

Я видела, как он уходит в ванную с телефоном. Как резко выключает экран, когда я прохожу мимо. Как улыбается, когда читает её сообщения. "Марина из отдела продаж". Он называл её просто коллегой.

Однажды я полистала их бесконечные переписки в мессенджерах. «Марина из отдела продаж» постоянно была с ним на связи. Они каждый вечер переписывались, желали доброго утра и доброй ночи, слали друг другу фотографии и смайлики-поцелуйчики.

Денис сказал, что это «по работе». А я сделала вид, что поверила.

Я спрашивала снова. Он снова врал. Я уговорила себя, что это просто игра, интрижка, он остынет. Мужчины срываются. Им нужно пространство.

Надеялась, что он одумается. Потому что у нас семья.

Потому что Вера тогда только-только начала пытаться заговорить, и я не могла подвергнуть ее стрессу. Потому что Соня пошла в первый класс, и я не хотела добавлять ей дополнительный источник для переживаний.

Терпела все это еще и потому, что была просто не в состоянии вытянуть быт с двумя маленькими детьми и ипотечной квартирой в одиночестве.

А он всё равно ушёл.

Не поговорив. Не попрощавшись с детьми. Даже не постеснявшись выбрать момент, когда нас не было дома. Не нашёл в себе ни слов, ни мужества.

Действуя как в тумане, я переодела детей, покормила, уложила спать. Даже прочитала им какую-то сказку сквозь пелену невыплаканных слез. Гладила Верочку по спине, пока ее дыхание не стало ровным. Сидела с ними при свете ночника, пока они обе не уснули.

Потом пошла на кухню, поставила чайник. Пока он гудел, смотрела в окна дома напротив. Кто-то смотрел телевизор, кто-то играл с детьми, кто-то ужинал. У всех шла обычная жизнь. Только моя разбилась.

На автомате я включила чайник, вытащила кружку. Старая, с трещиной. Подарок на Новый год — от него.

Сволочь. Подонок. Как он мог поступить с нами так?! Ладно со мной, но как же дети?

Руки задрожали, я выронила кружку и медленно опустилась на пол.

Прислонилась лбом к прохладной дверце холодильника и зарыдала.

Тихо. Беззвучно. Чтобы дети не слышали.

Слёзы текли по щекам, по шее, падали на колени. Я прижалась лицом к кафелю на стене. Плитка холодная, но в этом есть даже что-то хорошее — физическое ощущение, которое отвлекает от тяжести внутри.

И я даже не могу сказать, что разбита.

Нет. Я просто очень устала.словно все силы ушли на то, чтобы долго время терпеть, цепляться, закрывать глаза на очевидное. А теперь — пустота.

Когда слёзы закончились, я поклялась:

"Я справлюсь. И подниму сама девочек."

В квартире царила непривычная, абсолютная тишина, в которой больше не было Дениса. И в этой тишине я поняла только одно: больше ждать нельзя. Завтра утром мне нужно будет сделать первый шаг. Ради себя. Ради Сони и Веры.

Я думала, что снова заплачу. Но нет.

Я не заплакала.

Потому что с этого момента мне запрещено быть слабой.

Глава 2

Когда я вышла из метро, первое, что бросилось в глаза — сияющий фасад нового здания. Стекланный гигант в самом центре большого города. Его окна отражали небо, будто отгораживая от всего земного.

Та самая скромная фирма, в которой я когда-то начинала свой карьерный путь, теперь занимала значительную часть этого здания.

А в двух кварталах отсюда — частный детский сад, который посоветовал невролог для Верочки. С направлением на коррекцию и развитие речи. Они работают по новой методике — и обещают быстрый результат.

Если я получу эту работу — смогу устроить Верочку туда. Смогу забирать её вовремя. Смогу дать то, чего ей не хватало — регулярность. Внимание. Помощь. И хоть какую-то стабильность.

У меня была цель. А значит, я могла идти дальше.

Стекланные двери с тихим шипением открылись, пропуская меня внутрь.

Огромный и светлый холл. Пол из серого камня отполирован до зеркального блеска. На ресепшне — словно не офисный работник, а модель. Вокруг — спешащие мужчины в безупречных костюмах, женщины в строгих платьях и туфлях на каблуках.

Всё блеснит, движется, дышит успехом и деньгами.

Когда-то я тоже была частью этого.

Я вспоминала себя — в белой рубашке, юбке-карандаш, с вечным стаканом латте в руке и вечным телефоном у уха. Я умела быть эффективной, успешной, нужной.

А потом появился Денис. Милый, очаровательный и очень, очень настойчивый. Другие мужчины побаивались моей уверенности, моей устремленности на карьеру, но только не он... Ему все было нипочем — мой холод, мои отказы. Он покорила меня именно своим упрямством, которого так не хватает современным мужчинам. Он осаждал меня месяцами, как крепость, пока я, наконец, не сдалась.

В первый декрет я ушла с твердым намерением вернуться к работе максимум через месяц. Я думала, что, если справлялась с безумным темпом работы, то уж точно справлюсь с младенцем.

У меня были далеко идущие планы, но столкновение с материнством оказалось для них разрушительным.

Две беременности подряд. Два кесаревых. Вечный недо-сып. Диагнозы. Поиски врачей. И бесконечные долги.

Любимый муж не спешил помогать. Сначала он увлекся играми, чтобы отвлечься от работы. Потом — случилось казино, и вечные обещания «я отыграюсь».

Пока он ночами играл в компьютер — я качала младенца на руках. Пока он крутил рулетку виртуального казино — я успокаивала детские истерики.

От меня прежней осталась лишь жалкая тень.

Теперь я — женщина в не по сезону тяжёлом пальто, с дешёвой сумкой, с глазами, в которых слишком мало сна и слишком много тревоги.

Во мне теплилась наивная надежда, что в этой компании вспомнят мои прежние заслуги, вспомнят ту, которой я была раньше, и подарят мне шанс.

Но здесь, кажется, не осталось ни одного человека из тех, кто работал в прежнем штате.

— Здравствуйте, я хотела бы поговорить с Еленой Сергеевной...

Девушка на ресепшне скользнула по мне безразличным взглядом. Оценила всё — от неактуальной сумки до усталости в глазах.

— Запись через почту, — буркнул она.

— Я раньше здесь работала, — попыталась улыбнуться. — Меня зовут Рита. Рита Кузнецова. Я была ведущим маркетологом.

Она усмехнулась недоверчиво.

— Правда? Ну, теперь многое изменилось. Компания теперь совсем не та, что раньше. Мы выросли. И наши требования — тоже. Скиньте резюме на почту, может быть, что-то найдется для вас.

— А могу ли я лично поговорить с кем-нибудь из отдела кадров?

Девушка закатила глаза, как будто своими глупыми прось-

бами я отрываю ее от самой важной работы на свете, но все-таки взяла трубку, чтобы кому-то позвонить.

После недолгих переговоров в виде шепота и смешков, она предложила мне пройти в кабинет, который находился тут же, на первом этаже.

Женщина в кабинете выглядела старше той, что на ресепшне, и еще строже. Она смерила меня холодным взглядом, который пригвоздил на пороге.

— Доброе утро... Простите, что без предупреждения. У вас есть сейчас открытые вакансии? Я могла бы подключиться. Я работала у вас раньше и хорошо знаю продукт. И могу выйти сразу же. Даже прямо сегодня.

Она чуть наклонила голову, разглядывая меня.

— Вы работали у нас раньше? Как давно?

Я нервно сглотнула.

— Шесть... То есть почти семь лет назад. Я ушла в декрет, но сейчас готова снова работать.

Она не предложила мне сесть. Не улыбнулась. Посмотрела на меня так, будто я сморозила полную чушь.

— В такой сфере, как маркетинг, — начала она объяснять мне, как неразумному дитя, — что-то новое появляется каждый день. Мы не можем позволить себе выпасть даже на неделю. Пропустить месяц смерти подобно. А вы говорите про семь лет. Вы смеетесь надо мной что ли?

— Я понимаю, но... В декрете я продолжала обучаться, повышать квалификацию...

Увидев выражение ее лица, я поняла, что это бесполезно. Но все-таки не могла позволить себе сдаться — слишком многое стояло на кону.

— Может быть, рассмотрите мое резюме хотя бы на помощника? — предложила я. — На подмену? Я быстро включусь. И дети уже подросли...

— Видите ли, — она сжала губы, — вы выпали из обоймы профессии. У нас жёсткий темп. Команда молодая, проект горит. У нас даже на стажировку люди приходят с опытом. Понимаете? Сейчас другие времена. Извините, ничего не можем вам предложить.

Я кивнула.

— Хорошо. Спасибо.

Вышла из кабинета, стараясь идти медленно, чтобы это не выглядело как бегство. Хотя внутри всё сжималось, как после пощёчины.

— Подождите! — вдруг раздался окрик за моей спиной.

Я обернулась. Возле ресепшна стояла женщина, которая показалась мне смутно знакомой. Неужели кто-то из старой команды?

— Подождите минуту... Вы ведь раньше здесь работала, верно? Кажется, я вас помню...

Я кивнула.

— Да. Маркетинг. До декрета. Потом с младшей всё сложно было и ...

Я почувствовала, как голос начинает дрожать.

— Мне правда очень нужна работа. Любая. Хотя временно, хоть частично. Я не прошу ничего, кроме шанса.

Я увидела, как её взгляд немного смягчился. Она прикусила губу, что-то быстро прокрутила в голове и кивнула.

— У нас как раз сейчас требуется офис-менеджер. Документооборот, встречи, кофе, канцтовары. Это не совсем ваша сфера, но, если готовы попробовать...

— Да! Конечно! Я готова. Благодарю!

— Не благодарите раньше времени. Окончательное решение по каждой вакансии всегда принимает руководитель. И он... очень своеобразный. Я покажу ему ваше резюме и, если одобрит, пригласим на собеседование. И... Маленький совет — постарайтесь ему не перечить. Он очень не любит, когда с ним спорят.

Я вышла из офиса — и на миг остановилась прямо у стеклянной двери. Закрыла глаза.

Потому что нужно было переварить это.

Я очень много училась и еще больше работала. Писала стратегии, делала презентации, запускала проекты, получала предложения от топовых агентств. У меня был сильный диплом, блестящие рекомендации, я брала дополнительные курсы, ночами верстала макеты.

Я была хороша в этом. Я любила это.

А теперь...

Теперь даже не факт, что я сгложусь на то, чтобы наливать кофе и проверять, осталась ли бумага в принтере.

Всё, что я знала и умела, теперь ничего не стоит. Мое безупречным резюме можно выбросить в мусорку.

Но выбора у меня не было — я должна пройти это чертовое собеседование и показать, что я все еще чего-то стою!

Глава 3

Я прекрасно понимала, что за годы декрета растеряла свою квалификацию, но столкнуться лицом к лицу с этим фактом все равно было невыносимо больно.

Однако в этом был и неожиданный плюс — боль от унижения на работе перекрыла боль от трусливого бегства Дениса.

На следующий день я проверяла телефон каждую минуту. Почту — каждые пять минут. Не было никаких писем и ни одного звонка. Неужели про меня забыли?

Во время ожидания я не сидела сложа руки. Каждую день — отклики, минимум по сто штук. Я писала бессмысленные мотивационные письма, делала тестовые задания по полноты.

И каждый раз ситуация повторялась:

«Ваше резюме впечатляет, но у вас слишком большой перерыв. Мы не готовы сейчас обучать сотрудника».

Когда в гнетущей тишине прошло три дня, я поняла: что-то пошло не так. Наверное, мое резюме настолько не понравилось руководителю, что он решил, что не стоит тратить время на то, чтобы со мной говорить.

Когда я уже дошла до последней стадии отчаяния, телефон наконец зазвонил. Незвестный номер.

— Да? — я подхватила трубку быстрее, чем успела испу-

гаться.

— Маргарита Кузнецова?

— Слушает!

— Вы можете подъехать прямо сейчас? Это из компании «Вектор».

— Прямо сейчас?

— Да. В течение часа. Если не успеете — боюсь, у руководителя до конца недели времени больше не будет.

Они застали меня врасплох. Я уже и не надеялась. На мне — старая футболка и домашние штаны. Со мной Верочка, на плите недоваренный суп.

— Я буду, — бросила я в трубку и сразу отключилась, чтобы не терять время.

Следующие двадцать минут прошли в оглушающей суете. Я переодевалась одной рукой, второй — умывала Верочку.

Через десять минут уже стучала в дверь соседке снизу. Бабе Тане за семьдесят, но она держится бодрячком. Мы с ней всегда помогали друг другу. Я носила продукты, прибиралась и готовила, а она за это могла посидеть с детьми. Няню я бы сейчас не потянула.

— Бабуль, умоляю, — сказала я, всовывая ей Веру. — Мне позвонили с работы, срочное собеседование. Час, максимум полтора, и я вернусь.

— Беги скорей! Всё будет хорошо.

Она перекрестила меня на удачу — баба Таня была в курсе особенностей моей семейной жизни и знала, насколько

ко мне важно сейчас найти работу. Я обняла её — быстро, неловко, и вылетела из дома, как из горящего здания.

На этот раз в офисе меня встретили более приветливо. Девушка с ресепшна даже сопровождала меня к лифту.

Кабинет Воронцова находился на последнем этаже небоскреба.

— Присаживайтесь, — кивнула девушка. — Вас позовут.

Я села на низкий диван у стены. Сквозняк из кондиционера пробирал до костей. Ладони холодели.

Прямо напротив меня — массивная дверь. За ней — его кабинет.

Максим Воронцов.

Мужчина, от которого зависит, смогу ли я отдать дочку в хороший садик. Купить лекарства. Купить еду. Вернуть себе хотя бы тень прежней жизни.

Время тянулось мучительно.

Мужчины и женщины в дорогих костюмах один за другим заходили в кабинет и выходили оттуда с такими лицами, будто только что сдали ЕГЭ по всей жизни сразу. Некоторые — на грани слёз.

Что это за человек, если люди выходят от него в таком состоянии?

Я почувствовала, как от страха подступает тошнота.

Прошло сорок минут. Потом — еще сорок. Волнение нарастало, но вместе с ним и возмущение — зачем было значать мне встречу через час, если он совсем не торопиться

принять меня?

Дверь открылась, из кабинета вышла заплаканная женщина. Я знала, что больше там никого нет.

По идее я должна продолжать сидеть тихо, как послушная соискательница. Должна ждать, когда он снизойдет.

Но что-то внутри меня вспыхнуло. Усталость. Унижение. Злость.

Я пришла за шансом, а не милостыней.

Встала и торопливо, словно боясь передумать, постучала в дверь. И, так как ответа не было, осторожно зашла в кабинет.

И замерла на пороге.

Я ожидала увидеть в этом кабинете кого угодно. Седого ворчливого старика, брюзжащего на жизнь и подчинённых или важного пузатика с сигарой и кожаным креслом. То, что обычно представляешь себе, когда думаешь о руководителе корпорации.

Но за столом сидел он.

Выглядел моложе, чем я ожидала. Лет тридцать восемь, максимум сорок. Мужчина, к которому липнут взгляды. Мужчина, который к этому привык.

Красивый. Высокий. Широкие плечи и твердые бицепсы, которые заметно даже через рубашку.

Я сделала шаг вперёд, и пол слегка скрипнул под каблукми. Он поднял глаза.

— Простите, — начала я, поборов смущение. — У меня на сегодня назначено собеседование. Мне сказали прибыть

в течении часа, и я пришла.

— И вы решили, что можете заходить без приглашения?
— спросил он холодно.

— Просто я жду уже очень долго. Хотела напомнить о себе.

— Напомнить? Вы думаете, что если будете назойливой, это сыграет вам на руку?

— Я думаю, что если не проявлю инициативу, то здесь обо мне никто не вспомнит, — тихо, но твёрдо сказала я. — И вообще-то у меня на сегодня есть и другие планы, я не могу позволить себе просидеть весь день в коридоре.

Он окинул меня взглядом с ног до головы. Будто прикидывал, стоит ли тратить на меня время. Потом погрузился в изучение своего расписания, в котором, наконец, обнаружил встречу со мной. Среди кипы бумаг на столе обнаружилось и мое резюме.

— У вас есть опыт офис-менеджера? — нарушил он молчание.

— Нет. У меня есть опыт руководителя маркетингового отдела. И диплом, и курсы, и кейсы...

— Почти семь лет назад... Это более чем достаточно, чтобы всё забыть, — усмехнулся он. — Вы в курсе, что за эти годы рынок сильно поменялся?

— Конечно, я в курсе. Я проходила обучение. Онлайн-курсы...

— Это все теория, а у нас тут не лекторий.

— Я готова начать с позиции офис-менеджера, — отчётливо выговорила я. — Мне важна возможность. И я умею работать. Это не исчезло за семь лет, а напротив — многократно усилилось.

— Знаете, — сказал он тихо, но от этого резало только сильнее. — Обычно на такую позицию приходят очень молодые девушки. Даже студентки.

Я сжала зубы.

— Мне нужна эта работа. А вам вообще нужны сотрудники или вы просто развлекаетесь?

Он приподнял бровь.

— Прошу прощения? — голос по-прежнему ровный, но уже с тенью угрозы.

— Я пришла сюда, потому что мне нужна работа. И потому что я умею работать. Да, я многое пропустила. Но я не глупа. Я быстро учусь. А главное — не боюсь трудностей. Так что или скажите "нет", и я пойду дальше, или дайте мне шанс. Но унижать меня — необязательно.

Он откинулся в кресле. Смотрел, не отводя глаз, словно изучая. Впервые за время нашей встречи у него промелькнул интерес.

Потом захлопнул папку с моим резюме, словно закрыл дело.

— Начнёте завтра. В восемь тридцать. Получите пропуск у администратора.

— Спасибо, — я сразу же встала. Мне хотелось поскорее

уйти из давящей атмосферы кабинета.

— Не стоит. Мне просто любопытно, что из вас получится.

Он вернулся к монитору, демонстрируя, что уже забыл о моем существовании.

На трясущихся ногах я прошла к двери. Ладони были влажными, а сердце колотилось.

— Я дал вам шанс, — раздался голос за моей спиной. — Используйте его — хорошо. Провалите — вылетите в ту же минуту.

Я вышла в коридор. Спина была мокрой. Колени дрожали.

Он неприятный. Жёсткий. Самодовольный.

Но дьявольски харизматичный.

И это, пожалуй, пугает больше всего.

Глава 4

Утром я встала до будильника.

Не потому, что выспалась. А потому что вообще не спала.

Перед тем, как разбудить девочек, я с болью посмотрела на их лица — светлые, наивные, совершенно не готовые к тому миру, в котором им придётся выживать вместе со мной.

Соня, как всегда, долго бурчала, что ей надо доспать еще пять минуточек, натягивала колготки задом наперёд и путалась в застёжках рюкзака. Верочка — как обычно — не сказала ни слова.

Мне пришлось влезть в «добеременный» комплект одежды, безнадежно вышедший из моды, потому что ничего другого у меня в гардеробе не было.

Мы вышли затемно, когда город только просыпался. Сначала — школа недалеко от дома. Потом — в садик на метро.

В этот момент я подумала о Денисе, который, вероятно, в такую рань все еще спит. Он мог хотя бы отвести Соню в школу — уже одно это сильно бы мне помогло. Но он предпочёл просто исчезнуть из нашей жизни и забыть обо всех проблемах. С того дня — ни звонка, ни сообщения. Ни копейки денег. Его будто и не было вовсе.

И этот человек когда-то настойчиво добивался меня, а, заполучив, обещал, что всегда будет рядом...

Ему неинтересно, как я справляюсь. Есть ли у нас деньги

на еду. Купила ли я детям новые ботинки. Всё это больше не его забота. Он — свободный, все еще молодой мужчина, у него уже новые отношения.

А я осталась одна. С расписанием, которое не вмещается в человеческие сутки, с усталостью, которую не выразишь, и с тревогой, которую не унять даже самыми крепкими таблетками.

Я не имела права сломаться.

Сад оказался еще лучше, чем я ожидала. Новый, светлый, с большими окнами и с воспитателями с мягкими голосами. Вера сначала испугалась, вцепилась в меня, но, когда увидела мольберт с красками — сделала шаг вперед. Потом ещё один.

А мне осталась только добраться до работы.

Я бегом влетела в офис.

Дверь в кабинет Воронцова была открыта нараспашку. Сам он уже сидел за столом, склонившись над бумагами, но, как только я вошла в коридор, поднял глаза.

— Восемь тридцать семь, — сказал он, даже не поздоровавшись. — Опоздали.

— Простите. Я...

— Надеюсь, вы не из тех людей, которые начинают каждое утро с оправданий?

Он не кричал, не ругался. Но от металла в его голосе мороз побежал по коже.

Я отрицательно покачала головой. Мне хватило ума по-

нять, что мои оправдания здесь никого не волнуют. Они будут только раздражать

— Проверьте расписание на сегодня, — холодно продолжил Воронцов. — У меня две встречи с утра, потом презентация после обеда для партнёров. Канцелярия в переговорной закончилась. И кто-то из младших сотрудников умудрился пролить кофе на макбук — найдите, где быстро починить. Справитесь?

— Справлюсь.

— Надеюсь. Мне нужен результат.

Он отвернулся. Беседа закончилась.

Ко мне подошла его ассистентка Вика — молоденькая девушка модельной внешности, у которой синева под глазами могла соперничать с моей.

— Это ваш стол. Рабочая почта активирована, — вещала она ровным, безэмоциональным голосом. — Здесь все доступно и инструкции. Распечатки сегодня на вас. Доставка воды — тоже. В десять — совещание. Вот список гостей, нужно оформить бейджи. И приготовить им кофе. Два капучино, три латте и один очень крепкий американо без пенки и без сахара — это для Максима Викторовича. Не перепутайте.

Она явно считала, что я здесь надолго не задержусь. И совершенно не собиралась тратить свое время на то, чтобы вводить меня в курс дела.

Я мысленно повторила список: кофе-машина, офисная почта, календарь встреч, расходники, документы на подпись.

Ничего сложного. Формально — ничего.

Но я быстро поняла, что "ничего сложного" — не про этот офис.

Сначала я боялась каждого шага. Страх сделать что-то не так. Не справиться. Подвести.

Но страх не суметь прокормить семью был гораздо сильнее.

К одиннадцати я успела сбегать на склад канцтоваров, выслушать раздражённого кладовщика, который не понял, кто я и что мне нужно, налить кофе (в итоге Воронцову достался ненавистный сладкий с молочной пеной), зарегистрировать гостей на совещание, забыв при этом того, кто оказался не просто "гостем", а важным партнёром. Он, к счастью, оказался сдержанным человеком, но я уже чувствовала, как под ногами ломается хрупкий лёд.

Никто не спешил мне помогать — каждый был занят своим делом. Или делал вид. Меня, будто маленького ребенка, учили плавать самым жестким способом — кинув в самую бурю волн.

Когда я принесла неправильный документ, Воронцов посмотрел на меня и холодно сказал:

— Никто не будет держать вас за руку. Либо вы делаете работу правильно, либо идёте домой. Всё.

Мне казалось, что, если я оступлюсь ещё хотя бы один раз — он меня просто съест.

Но я уже не так боялась его, хотя он, безусловно, умел

нагнать страха. Моей основной эмоцией к концу дня стала злость. Я злилась на саму себя. Я ведь действительно многое умела. Я была способной. Я просто давно не пользовалась этой частью себя.

Я очень старалась работать усердно. Бегала по этажам, носила бумаги, делала заказы, сама таскала бутылки с водой. Один раз порезалась о край коробки — кровь хлынула, и мне пришлось заклеивать палец скотчем, потому что аптечку не нашла.

Я не обедала. Только пила воду. С трудом удержалась от слёз, когда одна из сотрудниц отказалась подписывать накладную и жестко отчитала меня. Потом просто зашла в туалет, чтобы пару минут постоять с закрытыми глазами и напомнить себе, зачем я всё это терплю.

К обеду я успела многое: перепутать номера переговоров, распечатать не ту презентацию для не того партнёра, пролить кофе и в довершение столкнуться с Воронцовым. Он выскочил из кабинета как раз в тот самый момент, когда я ползла по коридору с горой папок в руках.

— Осторожно, — сказал он и едва успел затормозить, чтобы я не врезалась в него.

Папки в моих руках поехали вниз — я не сумела удержать их, и бумаги рассыпались по полу.

Я присела на корточки, чувствуя, как щеки заливают жар. Очередной мой нелепый косяк случился прямо у него на глазах.

И тут он присел рядом. Молча протянул мне последние страницы, и наши пальцы столкнулись.

Касание длилось долю секунды, но мне показалось, будто оно обожгло. Его рука — тёплая, крепкая. Та самая, которой можно одним движением придвинуть к себе или оттолкнуть. От его близости пахло чем-то волнующе свежим.

Я вскинула взгляд. Впервые видела его лицо так близко. Строгий подбородок с лёгкой щетиной. Четкие скулы. Прямой нос. Тёмные глаза, в которых невозможно прочесть мысли.

Он тоже задержал взгляд на мне чуть дольше, чем это было нужно, а потом бросил язвительно:

— Попробуйте не бегать с кипой бумаг по офису, как партизан по лесу. Сначала разберитесь, что к чему.

Но голос его звучал как будто бы мягче, чем обычно.

Когда день близился к концу, я снова столкнулась с Воронцовым в коридоре. Он задержал на мне взгляд, в котором уже не было того холодного пренебрежения, с которым он встретил меня утром.

— Вы не развалились к концу дня, — бросил он, проходя мимо. — Это удивительно.

Он пошёл дальше, а я почувствовала, как сдавленное напряжение дня наконец по чуть-чуть отпускает.

Краем глаза глянула на часы. Без пятнадцати шесть.

В садике просили забирать Верочку до шести. Я не могла опоздать — ведь сегодня был ее первый день. По-хорошему

стоило забрать ее пораньше.

Но офис будто бы только начинал жить. Сотрудники даже не думали расходиться. Наоборот: по этажу разносился запах кофе, кто-то заказал еду в доставку, потоком шли звонки. Никто не спешил домой.

Воронцов тоже всё ещё был в своем кабинете.

Я уже начала потихоньку собирать вещи, когда ко мне подошла Вика и с усталым видом шлепнула пачку распечаток на стол.

— Надо разобрать, — бросила девушка и развернулась, чтобы уйти.

— Но... — я попыталась ее остановить. — Рабочий день уже закончен.

Она равнодушно пожала плечами и кивнула в сторону кабинета начальника.

— Работы всегда хватает. А он не любит, когда сотрудники расходятся раньше него. Особенно те, кто у него на глазах.

Я почувствовала, как накатывает паника. Лёгкая, вязкая, та самая, что приходит, когда тырываешься между двумя мирами — и оба не прощают ошибок. Вика, наверное, может сидеть хоть до девяти, а у меня — дети, которых никто, кроме меня не заберет.

— Может я возьму документы домой? Сделаю вечером? — предложила я.

Вика покачала головой.

— Не знаю, как он к этому отнесётся... Вряд ли одобрит.

Я кивнула. Дождалась, когда она уйдет в туалет, потом аккуратно сложила их в сумочку и вышла.

На свой страх и риск.

Сердце глухо стучало. Что, если завтра он устроит мне разнос? Что, если я поставила крест на этой работе, даже не успев начать толком?

Но было и другое: ровно в пять минут седьмого я забрала Верочку, которая сидела с грустными глазами последняя в группе. Когда я вошла, она подняла голову и сразу же побежала ко мне. В этот момент я поняла, что сделала все правильно.

И плевать, что скажет Воронцов.

Когда я ехала с дочкой домой, глаза жгло от усталости, но в груди просыпалось странное чувство.

Я справилась. Выжила. Не сбежала.

А это уже огромный шаг вперед.

Однако завтрашний день все равно внушал тревогу.

Глава 5

На следующий день мне удалось прийти в офис на двадцать минут раньше. Так я рассчитывала загладить свою вину за то, что вчера ушла вовремя.

Я думала, что буду первой.

Но Воронцов уже был на месте.

Сидел в своём кабинете в свежей белой рубашке. На столе — уже разложенные документы, графики, открытый ноутбук и чашка чёрного кофе.

Как будто он не просто рано пришёл — а вообще со вчера никогда и не уходил.

Он поднял взгляд. Кивнул мне холодно, без улыбки.

— Вы удивительно рано сегодня.

— Хотела подготовиться.

— Хорошо. Без подготовки вы вчера не слишком впечатлили.

Я промолчала, хотя захотелось ответить ему довольно резко. Да, он прав — я ошибалась. Ну а кто бы не ошибался в своей первый рабочий день? Меня так и подмывало спросить у Воронцова, насколько идеально прошёл его собственный первый день на новом рабочем месте, но я вовремя прикусила язык.

Он попросил обновить ему кофе, и я заварила крепкий, как концентрированная горечь, но Воронцов даже не помор-

щился.

Пока я ставила ему на стол чашку и раскладывала салфетки, мне удалось немного понаблюдать за тем, как он работает — уверенно, быстро, не отвлекаясь ни на секунду. Ни суеты, ни медлительности. Даже в мелочах — точность.

Неудивительно, что он всех держит в тонусе.

— У нас с утра презентация нового проекта, — Воронцов перевел взгляд на меня, очевидно, заметив, что я его разглядываю. — Умеете пользоваться кликером?

Я кивнула. Конечно, я умею пользоваться чертовым кликером. Когда-то я сама делала презентации на тысячи человек. Но теперь гожусь только для механической функции.

— Тогда ваша задача на сегодня — переключать слайды. Постарайтесь не облажаться, — сказал Воронцов строго и отвернулся к ноутбуку, давая понять, что разговор закончен.

Я развернулась на каблуках и вышла из кабинета.

Зал, в котором проводили презентацию, был полон. Казалось, что здесь собрался весь штат. К проектному экрану вышли двое сотрудников — оба совсем молодые, вчерашние студенты, до краев наполненные энтузиазмом и самоуверенностью. Словно они уже зарабатывают для компании миллионы.

— Доброе утро, коллеги, — начал один из них. — Сегодня мы представим концепцию продвижения нового жилого комплекса премиум-класса...

Я нажала кнопку. Слайд первый. Банальный логотип, па-

фосный слоган.

— Наша целевая аудитория — мужчины от 20 до 25 лет с доходом выше среднего, заинтересованные в инвестициях в недвижимость.

«Мужчины двадцати лет? Покупатели премиум-недвижимости? Что они, черт возьми, несут?»

— Наш слоган: «Выше всех» — сыграем на чувстве элитарности и доминировании, — уверенно вещал докладчик. — Закажем рекламные у блогеров-миллионники, выставим неоновые билборды, зайдем в вирусные видео...

Я почувствовала, как внутри меня поднимается волна раздражения. Их идеи были вырваны из воздуха, обёрнуты в псевдокреатив и посыпаны маркетинговыми терминами, как пудрой. Во всем этом не было никакого смысла.

Я опустила глаза, чтобы не смотреть на ту чушь, что они презентовали, но заткнуть уши мне, к сожалению, было нельзя. Все остальные слушатели одобрительно кивали.

Я перевела взгляд на Воронцова. По его лицу ничего невозможно было прочесть.

Мне пришлось глубоко вздохнуть и напомнить себе о том, что моя задача — просто нажимать кнопку и не лезть туда, куда меня не просят.

— Мы выбрали агрессивный стиль: дерзкий, вызов обществу, стремление выделиться... — подхватил другой докладчик. — Наш герой — молодой миллионер в худи. Он просто берет свое! И мы не стали заморачиваться на анализе ауди-

тории. Всё и так видно из трендов...

И тут я услышала собственный голос, прежде чем осознала, что открыла рот:

— Простите...?!

Я увидела одновременно лица всех присутствующих в зале, потому что все они, как один, повернулись к мне. В зале воцарилась тишина.

У меня пересохло в горле. Но было уже слишком поздно для того, чтобы давать заднюю.

Я продолжила, надеясь, что не всем очевидно, что у меня дрожит голос:

— Можно один вопрос? Вы говорите, что наша целевая аудитория — мужчины до двадцати пяти. Вы серьёзно считаете, что именно они в основном покупают квартиры бизнес-класса?

Докладчики могли бы просто спросить, кто я вообще такая, чтобы задавать им вопросы, но они вдруг неожиданно стушевались.

— Ну... есть такие тенденции...

— Какие? Покажите данные, — почувствовав их неуверенность, я решила дожать. — Или вы строите стратегию на личных ощущениях?

— Мы анализировали медиаповестку...

— Медиаповестку или реальные цифры? У вас есть статистика, подтверждающая, какой процент этой ЦА способен купить жильё в сегменте премиум?

В моем голосе появилась былая уверенность. Мой противник открыл было рот, но я не дала шанса.

— У вас позиционирование построено на пафосе и мемах. А ваш типичный покупатель — это скорее консервативный владелец бизнеса, ценящий приватность и статус. Вы продаёте элитную недвижимость, а преподносите её как жвачку для подростков.

— Мы думали, что нужно работать на опережение...

— Ну а мне показалось, что презентация слишком оторвана от реальности, — люди все еще смотрели на меня, поэтому я и решилась продолжать. — Мы продаём не подписку на фитнес-приложение. Это недвижимость. Люди вкладывают миллионы.

Я чувствовала на себе взгляд Воронцова, но так и не смогла ничего в нем прочитать. Он просто смотрел на меня своими темными глазами, не мигая, и я не знала — мне стоит остановиться или можно продолжить.

Вот сейчас он меня выгонит.

Вот сейчас велит мне замолчать.

Вот сейчас уволит в ту же секунду.

В этот момент один из докладчиков попытался меня принизить:

— Вы, наверное, просто не в курсе новых, современных трендов...

Я повернулась к нему:

— Зато я в курсе того, что более шестидесяти процентов

покупателей элитной недвижимости — это семьи с детьми! Средний возраст от тридцати пяти до пятидесяти пяти лет... Это факты. А вы, кажется, даже не открывали бриф.

В зале снова воцарилась гнетущая тишина. Им нечего было мне возразить.

— Продолжайте, — бросил Воронцов докладчикам и демонстративно повернулся к слайдам.

Они попытались продолжить, но теперь уже сбивались на каждом слове. Их непрошибаемая уверенность куда-то улетучилась. Они еле дотянули до конца презентации.

После того, как все закончилось, я поспешила к выходу, но голос Воронцова догнал меня в коридоре и заставил оцепенеть:

— Кузнецова. В мой кабинет. Живо.

Я прошла за ним, стараясь не выдать дрожь в коленях. Дверь за нами с грохотом захлопнулась, он прошел за свой стол и сел.

— Вы не просто щелкали кликером, как я просил, — процедил он сквозь зубы. — Кто дал вам право вмешиваться?

— Никто. Я...

— Вы забыли о том, кто вы такая? — рявкнул он. — Если забыли про свою должность, так прочитайте ее у себя на бейдже!

Он впервые повысил голос, и мне показалось, что в кабинете затряслись окна от его окрика.

«Ну вот и всё» — крутилась в голове мысль. — «Сама

виновата. Влезла, куда не звали. Думала, что самая умная? А надо было просто щёлкать слайды»

— Я понимаю, что нарушила субординацию, — выдавила с трудом.

— Вы не просто её нарушили! — перебил меня Воронцов. — Влезли в презентацию, перебили коллег...

— Простите. Но я просто не смогла молчать. Я слушала и понимала, что всё, что они говорят — это чушь. Просто дикость! И подумала...

— Думать — это не ваша работа, — резко оборвал он. — Ваша работа — это варить кофе, заказывать бумагу и сидеть тихо, пока другие обсуждают важные дела!

Каждое его слово — как пощёчина. Холодная, отрезвляющая, болезненная. Мне невыносимо сильно захотелось заплакать.

Но тут же я почувствовала, как внутри поднимается злость. Он же видел меня, слышал, что я говорила, и я уверена в том, что в глубине души он со мной согласен, просто не может этого признать.

И, вместо того чтобы проглотить эти унижения, я расправила плечи и выпрямила спину.

— Если бы я действительно ничего не стоила, вы бы не вызвали меня сюда. Вы бы просто уволили меня через свою ассистентку. Уже аннулировали бы пропуск. А вместо этого вы орете на меня, тратите свое время, которое — я уверена! — очень дорого стоит, и все это только потому, что я оказа-

лась права!

Он резко встал. Подошёл ближе.

— Вы слишком много на себя берёте.

— Потому что я умею думать. И работать. Да, я сейчас в другой роли. Но у меня есть мозги. И я не прошу ничего, кроме возможности их применить.

— И вы думаете, вам кто-то даст такую возможность после того, что вы устроили?

— Я говорю сейчас о пользе, которую могу принести. И говорю на языке фактов. Вы хотите, чтобы дело было сделано? Я могу его сделать. И гораздо лучше этих мальчишек. Только вы слишком заиклены на том, кто какую должность занимает, чтобы это признать.

Воронцов замолчал.

Он смотрел на меня. Долго. Изучающе. Будто своим пылающим взглядом хотел прожечь во мне дыру.

Потом, так же резко, как встал, вернулся к столу и открыл ноутбук.

— Свободны, — бросил он, не глядя.

Я повернулась. Пальцы дрожали. Горло сжалось так, что стало трудно дышать.

Когда я уже была на пороге, за спиной раздалось:

— Кузнецова!

Я замерла.

— Приготовьте ту же презентацию. Срок — до завтра. Мы также все вместе соберемся и внимательно слушаем вас.

Посмотрим, чего вы стоите...

Я кинула, пока не осознавая масштаб задачи, которую он на меня возложил.

— И... в следующий раз, если считаете, что кто-то говорит чушь — можете не молчать. Я разрешаю.

Я снова кивнула и выскользнула из его кабинета.

Глава 6

Вечером сотрудники снова не спешили расходиться. Но я уже знала, что делать — украдкой засунула документы в сумку, туда же отправила рабочий ноутбук и, дождавшись подходящего момента, сбежала.

Дома пыталась делать сразу сто дел одновременно — закинуть в кастрюлю макароны и тут же запустить стиралку, нарезать огурцы и протереть полы, разобрать игрушки и заплести Соне косичку.

Сказка на ночь всегда была нашей традицией. Даже в такой вечер, когда глаза у меня начали слипаться уже к восьми, я всё равно открыла книгу и начала читать. Глотая зевки, перепрыгивая через строчки, стараясь не показывать дочкам, насколько я сильно устала.

Бедные мои девочки и так оторваны от меня. Целый день мы проводим в разлуке, потом вечером ужинаем и вот уже пора спать. Почитать им сказку на ночь — самое малое, что я могу сделать. Хоть что-то должно оставаться неизблемым в их детских жизнях.

Я слышала, как Соня размеренно дышит. Верочка тоже закрыла глаза. А я... сама не заметила, как наклонилась, прижавшись щекой к её волосам, и заснула.

Ненадолго. Минут на тридцать. Но этого хватило, чтобы очнуться с резкой болью в шее и липкой паникой: работа.

Работа ждёт. Воронцов не будет слушать про сказки и усталость.

На цыпочках я выбралась из комнаты, прикрыла за собой дверь и сделала себе кофе. Горький, крепкий, обжигающий язык. Такой, каким его обычно пьёт Воронцов.

Сил ни на что не было. Болела спина, глаза щипало. Но внутри росла какая-то остервенелая решимость.

Я открыла ноутбук. Пальцы замерли над клавишами. Когда-то я хорошо умела это делать. Смогу ли сейчас?

Да. Смогу. У меня нет выбора. Сдаваться точно не входило в мои планы.

Разложила перед собой папку с материалами. Всё было сырое, рыхлое, без структуры. Но я знала, как должно быть. Я чувствовала.

Сначала пальцы двигались медленно, с усилием. Я перечитывала, правила, добавляла нужные цифры, искала примеры. Где-то к полуночи внутри что-то щёлкнуло — сон, как рукой сняло. Появился азарт.

Я вспомнила, как делала такие вещи на раз-два, и та Рита, прежняя, задышала во мне. Я почти не замечала времени. В два часа ночи — кофе. В три — пятиминутный сон прямо на кухонном столе. В четыре — финальный просмотр.

Где-то на заднем плане тикали часы. В другой комнате мирно спали мои девочки.

Я же решила вообще не ложиться. Умылась ледяной водой, заварила очередную чашку убийственного кофе. Доста-

ла свою единственную строгую юбку, которая не успела до конца высохнуть после вечерней стирки и была чуть влажной. Когда натянула её, заметила — сидит уже не так туго, как прежде.

Я пришла на работу раньше восьми.

— Вы снова первая, — Воронцов встретил меня лёгкой иронией. — Вернее, вторая после меня. Если так дальше пойдёт, вы побьёте все корпоративные рекорды по трудолюбию.

— Может, и побью.

— Готовы к презентации?

— Более чем.

Что-то мелькнуло в его взгляде — интерес? насмешка?

— Ну это мы ещё посмотрим...

Конференц-зал был набит битком. Людей гораздо больше, чем на вчерашней презентации.

Отрепетированная структура рассыпалась в моей голове, как карточный домик, при виде всей этой толпы, которая собралась только для того, чтобы на меня посмотреть.

Воронцов сидел у окна, чуть откинувшись на спинку кресла. На лице — абсолютное спокойствие. Он даже не взглянул в мою сторону. Как будто всё происходящее его совсем не интересовало.

— Итак, начинаем, — объявила его ассистентка Вика. — Слово — Маргарите Кузнецовой.

Гул голосов стих. В зале повисла тишина.

— Доброе утро... — начала я и тут же неловко кашлянула, — ...коллеги.

Голос дрожал, как у школьницы. Мне хотелось провалиться под землю. Забыть текст, забыть себя, выскочить из зала и бежать отсюда без оглядки.

Но я знала: если сейчас провалюсь — второй попытки не будет.

Бросила взгляд на Воронцова. Он всё так же старательно игнорировал происходящее.

И именно этой своей «невовлечённостью» он словно дал мне свободу.

— Последние данные по рынку показывают... — начала я чуть твёрже. — ...что спрос на квартиры бизнес-класса за год вырос на пятнадцать процентов. Но рост интереса не означает роста продаж.

Я говорила — и с каждым словом уверенность крепла.

Нервный туман рассеивался. Я вспоминала, как когда-то работала. Как убеждала. Увлекала. Воздействовала. Все это было во мне. Просто ждало, когда я вспомню.

— Мы подготовили три ключевых сегмента позиционирования, — я показывала цифры, диаграммы. — Это — результат понимания аудитории. Их потребностей. Их боли.

Я уже не думала о том, как стою, как выгляжу. Голос стал уверенным, интонации — живыми. Паузы — точными.

Когда я закончила, в зале снова повисла тишина. Кто-то первым хлопнул несмело. Потом — ещё. Аплодисменты на-

растали, не слишком бурные, но искренние.

Я выдохнула. Повернулась — и впервые за всё время встретила взглядом с Воронцовым.

Он смотрел прямо на меня. Без улыбки. Без одобрения. Но и без той холодной отстранённости, что была раньше.

— Вопросы? — мой голос чуть дрогнул.

— У меня есть вопрос, — сказал Воронцов и откинулся в кресле. — Вы упомянули, что аудитория «бизнес-класса» ориентируется на качество жизни, а не только на квадратные метры. Верно?

— Да, тренд последних лет показывает, что покупатель стал избирательнее...

— Тогда объясните, — перебил он, — почему вы включили в презентацию проект на Нагорной? Район без нормальной инфраструктуры, рядом три промзоны, один торговый центр и бесконечные пробки. Это ваш новый стандарт качества жизни?

— В этом... вы правы, — начала я медленно. — Я не проверила информацию по инфраструктуре. Это моя ошибка.

— Выходит, вы построили стратегию на ошибочных предположениях?

— Нет, — ответила я твёрже. — В финальном варианте этой презентации данный проект будет заменён на более соответствующий — например, «Дом у парка», где действительно реализована концепция комфортной среды.

— Однако если бы это была не презентация, а запуск в

продакшн — вы бы уже потеряли клиента. И лицо компании.

Я кивнула.

— Значит, хорошо, что вы задали этот вопрос. Лучше проиграть здесь, чем на внешней встрече.

На секунду я почувствовала, что он улыбается глазами, хотя уголки губ оставались на месте.

Я едва успела вернуться за своё место, ещё глотая остатки адреналина, когда ко мне подошла ассистентка.

— Воронцов просит зайти к нему. Немедленно.

Всё внутри сжалось от тревоги. Неужели провал?

— Закройте дверь, — сказал он спокойно.

Я зашла и встала перед его столом.

— Я не стал говорить этого при всех, но... Как так получилось, что в диаграмме по московскому юго-западу вы указали данные за прошлый квартал, а не за текущий?

— Я работала ночью. Возможно... — я осеклась. Оправдания звучали бы жалко. — Простите. Исправлю.

— Почему не попросили помощь? У нас есть аналитики. Почему вы решили, что можете одна, за ночь, всё сделать идеально?

— Я... просто хотела доказать, что справлюсь.

— Вы хотели доказать, — медленно повторил он. — А если бы из-за этих устаревших данных клиент разорвал контракт?

Я молчала.

— Знаете, Рита, — он встал, подошёл ближе, — меня

не пугают ошибки. Все их делают. Меня пугает самонадеянность. Желание прыгнуть выше головы, не проверив, что там внизу. Вы справились. Но на троечку. Учитывая, что вы сделали всё за одну ночь и в одиночку — почти на четвёрку. И всё же... больше так не рискуйте.

— Хорошо, — выдохнула я.

— Только не вздумайте расслабляться. Это только начало.

В глазах потемнело, и я заморгала, пытаюсь прогнать черные пятна. Сделала шаг назад, нащупывая каблуком пол.

— Всё в порядке? — донёсся до меня голос Воронцова.

— Вы какая-то бледная.

Мир качнулся. Я попыталась вдохнуть глубже, но грудь не наполнилась воздухом.

Схватила за край стола, но пальцы соскользнули. Холодный пот проступил у основания шеи. Перед глазами всё вспыхивало и гасло, как на экране с помехами.

— Кузнецова?!

Последнее, что я увидела, перед тем, как упасть — это то, как Воронцов бросился ко мне.

Глава 7

Придя в себя, я обнаружила, что лежу на большом кожаном диване в кабинете Воронцова, а рядом, на полу, сидит он сам. Я попыталась подняться, но его рука тут же пригвоздила меня обратно к дивану.

— Не геройствуйте, — сказал он жёстко. — Вам лучше сейчас не вставать.

— Всё нормально, — прошептала я еле слышно.

Его пальцы, всё ещё лежавшие на моём плече, сжались чуть сильнее.

— Сейчас вызовем скорую, — он потянулся за телефоном.

— Нет! — я снова попыталась подняться. — Не нужно! Со мной всё хорошо!

— Вы рухнули на пол у меня в кабинете. Это совсем не хорошо!

— Это просто переутомление. Я не спала ночь, но это не повод устраивать драму.

Я с трудом села. Попыталась подняться на ноги, но не смогла. Перед глазами все еще плыло.

— Вам нужно показаться врачу!

— Сказала же — всё в порядке! — отрезала я. — Дайте пройти!

Наши взгляды встретились. Впились друг в друга, словно

между нами продолжалась молчаливая дуэль.

Потом он подал мне руку, и я, поколебавшись секунду, всё же решила воспользоваться его помощью. Вложила свою ладонь в его.

Тёплая. Сильная. Уверенная.

Когда я встала, он слегка придержал меня за локоть. Я чувствовала — слишком близко, слишком напряжённо — его дыхание рядом с собой, аромат его парфюма, его взгляд. Всё это будоражило сильнее, чем крепкий кофе.

Его руки обвили мои плечи, мои — на секунду уткнулись в его грудь. Мы оба застыли.

Мир сжался до этой точки соприкосновения.

Потом я резко отстранилась. Он тоже шагнул назад, как будто только сейчас понял, что мы сделали что-то неприличное. Несколько секунд просто молча смотрел на меня.

— Если вы уверены, что в полном порядке, то... Вас может кто-нибудь забрать? Супруг может за вами приехать?

Я покачала головой.

— У меня нет супруга...

Снова воцарилось молчание, еще более неловкое, чем то, что было до этого. Я заметила, что Воронцов пристально смотрит на меня. На мою руку. Я проследила его взгляд и тут до меня дошло, что на безымянном пальце у меня все еще надето обручальное кольцо.

Я покраснела, тут же торопливо потянулась к кольцу, пытаясь его сдёрнуть.

— Это... просто... — я чувствовала, как неловкость нарастает, как неуместное волнение сдавливает горло. — Мы в процессе развода. Как-то не нашлось времени его снять.

Наконец, кольцо поддалось, соскользнуло с пальца. Я сжала его в кулаке.

— Хорошо, — сказал наконец Воронцов. — Тогда я сам отвезу вас домой.

— Вот еще! Я не поеду домой. Я останусь работать.

Он тяжело выдохнул, будто изо всех сил старался сохранить самообладание.

— Вы в своём уме?

— Более чем.

Воронцов сложил руки на груди, нахмурился.

— А что вы ели в последний раз?

— Что?

— Я спрашиваю: что вы сегодня ели?

Я попыталась вспомнить. Кофе. Кусок булки, которую не доела Вера. Опять кофе.

— Я ела... Еду. Всё нормально, — пробормотала я, делая шаг к двери. — Не беспокойтесь.

— Нормально, — повторил он с издевкой. — Значит, ничего. Так я и знал! Ладно. А теперь идите за мной.

— Куда?

— Обсудим вашу презентацию. И не спорьте — иначе я действительно вызову скорую, и вы поедете туда на капельнице.

Он уже шел вперед. Я выдохнула, собралась с силами — и поспешила за ним.

Мы спустились на лифте на первый этаж, вышли на улицу, пересекли дорогу. Прямо напротив офисного здания располагался небольшой итальянский ресторан, и, к моему огромному удивлению, Воронцов направился прямо туда. Открыл передо мной дверь, пропуская вперёд.

— Вы всегда решаете рабочие вопросы в ресторане? — поинтересовалась я, усаживаясь на стул, который он для меня отодвинул.

— Можете считать обед с руководителем частью ваших обязанностей, — ответил Воронцов сухо.

Я усмехнулась.

— Если бы я знала, что офис-менеджерам так везёт, давно бы устроилась!

— Ну не все офис-менеджеры встают после обморока и требуют новых заданий. Вы особенная.

Я ждала, что сейчас к нам кто-то присоединится — ассистентка Вика или может быть, кто-то из отдела продаж. Что вот-вот сейчас начнется рабочая встреча. Но официант принёс нам только два меню.

— Здесь будет кто-то ещё? — неуверенно спросила я, чувствуя, как поднимается жар к щекам.

— Нет, — спокойно ответил Воронцов, изучая меню. — Только мы двое.

— Я не понимаю. Это ведь деловая встреча?

— Именно.

— Это... странно, — выдохнула я, опуская взгляд. — Я не привыкла, чтобы меня... подкармливали.

Он усмехнулся.

— Вы серьёзно, Кузнецова? Если вы голодны — вы не эффективны. А у меня нет времени на неэффективных сотрудников.

Гордость внутри уже закипала, требовала уйти, бросить в лицо: «Я не нуждаюсь в вашей заботе!» Но... в этот самый момент принесли еду.

Запах был чудесный. Горячая паста с томатным соусом, базилик, свежий хлеб. И моя гордость пала в неравном бою с желудком.

Я взяла вилку.

Мы ели молча, и это было одно из самых напряжённых молчаний в моей жизни. Я боялась сделать неловкий жест, неправильно держать прибор, пролить воду.

— А теперь, — Воронцов прервал наше молчание только тогда, когда принесли кофе и десерт. — Расскажите мне, что бы вы добавили в этот проект?

Я смяла салфетку, глубоко вдохнула, приготовившись говорить. Внутри всё волнительно сжалось — от неожиданной мягкости в его голосе, от неподдельного интереса в глазах... и от чего-то ещё, чему я пока еще не могла дать названия.

И начала говорить.

Мы говорили о делах, но обстановка всё же казалась мне

слишком неформальной. Странной. Неловкой. Весь разговор я была ужасна напряжена. Возможно, я волновалась даже сильнее, чем перед толпой народа на утренней презентации.

Когда принесли счет, я сразу же достала кошелек, понимая, однако, что не в силах оплатить и четверти суммы.

Но Воронцов не позволил мне даже взглянуть на счет, первым схватил его. Глаза его блеснули холодом. Они будто бы говорили мне: даже не думай предлагать оплатить.

Но я все равно предложила.

В ответ на лице начальника отразилась крайняя степени оскорбленности.

Я потянулась за счетом, попыталась его вырвать, и случайно задела стакан с водой. Тот покачнулся, и я рефлексивно схватилась за него.

Одновременно с ним.

Наши пальцы соприкоснулись.

Я посмотрела на него. Он смотрел на меня. И в этот момент будто исчезло всё — ресторан, город, шум за стенами. Только этот странный момент между нами. Мы оба почувствовали это прикосновение слишком остро.

Я отдернула руку первой.

— Простите, — пробормотала. — Не хотела...

Он тоже отвёл взгляд, который вновь стал холодным.

Мы вышли из ресторана вместе. Я по-прежнему ощущала его тепло на своих пальцах — будто прикосновение не за-

кончилось. Просто переместилось куда-то глубже.

— Спасибо за обед, — сказала я, стараясь держаться на дистанции. — Сейчас вернусь в офис, возьму документы и...

— Нет, — перебил он. — Теперь вы поедете домой.

— Но у меня...

— Вы поедете домой, — повторил он тоном, с которым не спорят. Он нажал кнопку на брелоке, и чёрный седан, стоящий на парковке офисного центра, приветливо мигнул фарами. — Садитесь.

— Вы хотите меня отвезти? Это абсолютно ни к чему. Я сама доеду.

— Нет. Вы поедете со мной, — бросил Воронцов, теряя терпение. — Потому что я, черт побери, ваш начальник. И это — приказ.

— Но у меня ребенок в детском садике неподалеку. Его надо забрать! — использовала я последний аргумент.

— Значит сначала заедем за ребенком, — пожал плечами Воронцов и сел на водительское.

Мне не оставалось ничего, кроме как тоже сесть в машину. По пути мы почти не разговаривали. Воронцов бесконечно звонил кому-то по делам, отдавал короткие распоряжения.

Когда мы подъехали к детскому саду, он спокойно сказал: — Подожду здесь. А вы — идите за дочкой.

Когда я вернулась к машине, Максим уже открыл заднюю дверь. Помог нам устроиться. Даже пристегнул Верочку.

ку, ловко и бережно, будто делал это не впервые.

— Вы... хорошо с ней справились, — сказала я, немного смущённо.

— Я умею обращаться с детьми, — отозвался он.

Когда мы остановились у моего дома, я уже не знала, как смотреть Воронцову в глаза. Я была безмерна благодарна ему, но эту благодарность трудно было выразить словами. Я чувствовала себя будто перед ним в долгу.

— Спасибо, — пробормотала я, отстёгивая ремень. — За всё. Я... я не привыкла к помощи.

— Привыкайте, — коротко бросил он. — Завтра будьте в офисе к восьми. И выспитесь. Это тоже приказ, Кузнецова.

Глава 8

Утром я приехала так рано, что успела даже зайти в кофейню за углом. Воронцов не позволил мне вчера оплатить обед, но мне все же не хотелось оставаться перед ним в долгу. Уж стаканчик кофе я могла позволить себе ему купить и не обанкротиться при этом.

Взяла чёрный, крепкий, без сахара. Себе с сиропом и корицей, чтобы поднять настроение перед непростым днем.

Поднявшись на нужный этаж, я не стала ждать ассистентку. Была на сто процентов уверена, что он уже здесь. Иногда мне казалось, что он всегда здесь, и вообще не уходит с работы.

Я прошла к его двери и, постучав — легонько, почти символически — толкнула её.

— Доброе у... — начала я, но договорить не успела.

Воронцов стоял у окна.

Мокрые волосы. Капли воды блестят на шее. Рубашка, небрежно накинутая на плечи, нараспашку. Под ней — загорелая кожа, рельефный торс.

— О господи! — вскрик вырвался сам собой.

Кофе — горячий, липкий — выплеснулся из стаканчика прямо на пол, обдав кипятком мои пальцы. Второй стакан я тоже чуть не выронила, но успела вовремя перехватить.

Воронцов выглядел так, будто только что вышел из душа.

Как будто я не зашла к нему в офис, а ворвалась в спальню.

Наши глаза встретились. На долю секунды — оголённое электричество заискрило между нами.

Он не пытался прикрыться, не выглядел смущённым. Удивлённым да, но смущения в нем не было ни капли. Я же — наоборот. Готова была провалиться сквозь землю. Щёки горели, сердце бешено колотилось.

Без этого своего строгого костюма он выглядел совершенно другим...

— Простите, — прошептала я. — Я... Я просто принесла вам кофе... В благодарность за вчерашний обед.

Он сделал пару шагов в мою сторону.

— Обычно люди стучатся и ждут, когда им скажут «войдите», — его голос был низким, по утреннему хрипловатым.

— Я постучала... — пробормотала я, стараясь не смотреть на него. — Просто не думала, что вы... В таком виде.

— В каком? — он прищурился, внимательно меня разглядывая.

Мне показалось или Воронцов действительно наслаждался крайним смущением, которое охватило меня?

— Как в каком? — возмутилась я. — Полуголом!

— Я же не знал, что вы решите устроить чаепитие на работе в семь тридцать утра, — заметил он с ледяным спокойствием.

— Кофе, — поправила. — Я купила кофе, а не чай!

Он подошел ближе, протянул руку, чтобы взять стакан-

чик.

Теперь, когда дистанция сократилась, мы оказались близко настолько, что я могла чувствовать запах его геля для душа. И могла разглядеть крошечные капельки воды, оставшиеся на его торсе.

— И чего вы так кричали, Кузнецова? Я же не девочка, которую застукали голышом. Тут в здании, на десятом этаже, находится спортзал, — невозмутимо сообщил он, делая глоток кофе. — Удобно. Пока остальные добираются по пробкам, я успеваю пробежать пять километров, позаниматься на тренажерах и принять душ.

Я кивнула, не зная, куда деть глаза. Мой мозг отчаянно пытался не дорисовывать подробности.

Спасибо, Максим Викторович, теперь я точно не соберусь с мыслями до обеда.

— Вы всё ещё здесь, — напомнил он, пронзив меня взглядом, от которого у меня моментально пересохло во рту. — Работа не ждет. Или вы задумались о спортивных достижениях руководства?

— Нет, конечно, — пролепетала я, почти спотыкаясь о собственные ноги, — уже ухожу.

— Готовьтесь, сегодня вам придётся поработать за двоих, — бросил он мне в спину.

Я развернулась и вышла, стараясь держать спину прямо. Только в коридоре позволила себе откинуться на стену и выдохнуть.

Что, чёрт побери, это было?

Я чувствовала, как горят уши и щеки. Как будто я не взрослая женщина, а школьница, впервые увидевшая мужчину почти обнаженным.

А он... Будто знал, что производит сильное впечатление. И не собирался ничего с этим делать. Напротив, будто наслаждался этим.

А я теперь должна вернуться к столу, открыть таблицу и спокойно работать. Как будто ничего не произошло. Как будто я не видела начальника в таком виде, в каком видеть его не следовало.

Я сделала пару глотков обжигающего кофе и глубоко вдохнула.

— Работать, Рита, — прошептала себе. — Работать!

Но концентрация в тот день давалась с трудом.

Особенно когда Воронцов положил на мой стол увесистую папку с документами и невзначай коснулся моей ладони.

А может, и не невзначай.

А может, я просто схожу с ума.

— Вот это дополнительные материалы по проекту от аналитиков, — сказал он. — Вам придётся заниматься им параллельно с остальными обязанностями. Справитесь?

— Конечно...

— Вот и отлично. Тогда презентацию назначим на понедельник. Структура, визуал, анализ конкурентов — всё на вас. И не забудьте про основной отчёт к совещанию.

Безжалостно и сурово.

Кажется, тот Максим Воронцов, который может проявить заботу и дружелюбие, остался во вчерашнем дне. В сегодняшнем ему не было места. Здесь, в офисе, снова был холодный, жесткий и едкий профессионал.

Я смотрела на эту проклятую папку и ощущала, как к горлу подступает ком.

Одна часть меня кричала: «Ты не вывезешь».

Другая — стискивала зубы в предвкушении.

Теперь я уже понимала, что мне доверили работу над одним из ключевых клиентов. С огромным бюджетом. С высокой ставкой.

А также с высокой вероятностью провала, если я что-то сделаю не так или не успею закончить.

Но я справлюсь. Даже если он сбросит на меня ещё десять таких папок. Это уже дело принципа.

Теперь до обеда я встречала курьеров, заваривала кофе, приносила документы на подпись и отвечала на письма. Потом приходило время работы над проектом.

Каждый мой день проходил в режиме безумной гонки на выживание. Подъем, школа, сад, упорная работа все девять часов, не поднимая глаз. Потом побег из офиса с очередной пачкой документов в сумке. Садик, ужин, сказка на ночь. Кружка черного кофе и работа допоздна на кухне до тех пор, пока не свалит сон прямо за столом.

Всё строго по минутам. И если где-то оступишься — как

в домино, посыпется всё.

Так пролетели две недели. Без остановки. Без пауз. Без праздников и выходных.

Я научилась пить кофе на ходу, редактировать тексты в телефоне и отвечать на письма еще по пути к метро.

Я жила, словно в тоннеле — с одной лишь целью впереди. Поставить себя на ноги. Удержаться. Прожить еще один день.

Максим Воронцов не отпускал поводья. Каждый день — как экзамен. Каждое утро — как новый вызов.

Но я держалась.

Иногда отвечала на его язвительные замечания тем же тоном. Иногда — молчала, стискивая зубы.

Он не хвалил. Не благодарил. Не подбадривал. Но и не снимал с меня ни одной задачи.

А это тоже было знаком. Знаком, что я все-таки справляюсь.

В пятницу, ближе к вечеру, мне пришло уведомление на почту: начисление зарплаты. Я открыла письмо, почти не глядя, машинально, и вдруг... замерла.

Сумма была выше, чем та, что прописана в моем договоре. Значительно выше. Сначала я подумала, что это ошибка. Или, может, какая-то премия для всех сотрудников, о которой я не знала? Или путаница с цифрами?

Я даже обновила страницу. Перепроверила. Потом поднялась из-за стола и подошла к ассистентке Воронцова.

— Мне сегодня пришла зарплата и... Кажется, она выше, чем должна быть.

Вика посмотрела на меня, чуть удивлённо вскинув брови.

— Воронцов лично согласовал вам пересчёт, вы не знали? За дополнительную нагрузку по проекту. Сказал, что вы справляетесь. Даже... — она прищурилась. — Даже лучше, чем некоторые из «старой гвардии».

Воронцов не сказал мне ни слова об этом. Ни намёка. Ни взгляда. Но... щедро оплатил все мои переработки.

На сердце вдруг стало тепло. Нет, не потому что это деньги — хотя и они нужны мне сильно, отчаянно. А потому что он всё-таки видел мой вклад. Понимал его. И оценил в таком важном для меня денежном эквиваленте.

Я вернулась на место и впервые за всё это трудное время позволила себе улыбнуться.

Прикрыла глаза и представила — этих денег хватит внести платеж по ипотеке, погасить задолженность по ЖКУ, на продукты, на новую обувь девочкам и даже... Может я смогу и себе что-нибудь купить? Например, новенький строгий костюм, потому что ходить в одной и той же юбке и блузке почти каждый день мне уже надоело.

Я позволила себе помечтать еще немного, представить, как обрадуются девочки, когда мы наберем полную корзину вкусняшек. Потом, не в силах сдержать распирающей меня радости, запихнула в сумку побольше документов — я рассчитывала хорошенько поработать на выходных, и выпорх-

нула из офиса.

Мне очень хотелось порадовать дочек — уже очень давно я не могла позволить себе покупать всякую милую детскому сердцу мелочь, поэтому сразу же направилась в ближайший супермаркет. Набрала, не глядя, всяких маленьких игрушек, браслетиков, резиночек, фруктов и сладостей, вывалила все это на кассе и гордо протянула карточку, сияя как начищенный таз.

— Не проходит, — кассир вернула мне ее через несколько минут безуспешных попыток провести. — Наверное, у вас карта заблокирована.

— Что? Не может быть? — меня прошиб холодный пот. — Попробуйте еще раз!

— Я двадцать раз уже попробовала! Решайте вопрос с банком, — отрезала женщина. Она сгребла все мои неоплаченные покупки в сторону и занялась другим, а я стояла, держа в руках заблокированную карточку, еле сдерживаясь, чтобы не разрыдаться от бессилия и беспомощности.

Глава 9

Я спешила к детскому садику, не чувствуя ног. Ужас медленно, но верно поднимался от живота к горлу, сдавливая грудную клетку изнутри. В ушах гудел голос оператора:

— Да, деньги действительно поступили, — равнодушно говорила девушка на другом конце. — Но, к сожалению, по решению судебных приставов был наложен арест.

У меня перед глазами все поплыло. Дома дети, которых нечем кормить. Я не могу прийти сегодня с пустыми руками.

— Каких ещё приставов? — уточнила я, глотая подступившую горечь.

— Исполнительный лист из-за задолженности по кредитной карте, — произнесла оператор с дежурным сочувствием. — Долг за вами числится более полутора лет.

Я лихорадочно пыталась понять, что это. Неужели та кредитка, которую Денис оформил на меня, когда у него начались очередные «временные трудности». Но он же клялся, что давным-давно всё оплатил... Получается, он опять врал мне?

— Это не мой долг, — выдохнула я. — Это... моего бывшего мужа.

— Это не имеет значения, если карта зарегистрирована на вас. Для решения вопроса, пожалуйста, обратитесь к приставу по месту регистрации. Я вам ничем помочь не могу.

Вера встретила меня с радостью, но так не сказала ни слова. Я планировала поговорить сегодня с воспитателями о ее прогрессе (которого пока нет), но в таком состоянии не смогла — я чуть не расплакалась прямо у входа.

Она кинулась ко мне, маленькие ручки крепко обхватили за шею. Я погладила её по голове.

— Как дела, Звёздочка? — выдавила я, но дочь в ответ только крепче прижалась ко мне.

Пока мы шли по дорожке от сада, я все думала, как мне быть. Как я могу подвести это маленькое существо, которое полностью от меня зависит?

А Денис? Он, получается, легко может нас подвести?

Я должна была сегодня заплатить кредиты, отдать долг бабушке Тане, которая и так уже неделю бесплатно забирает Соню после школы и сидит с ней. Дома — пустой холодильник. Что девочки будут есть?

Мне в голову пришла только одна идея — вернуться в офис и попробовать у кого-нибудь занять. А потом уже звонить Денису и вытрясывать с него деньги.

Да, сейчас вечер пятницы, но все-таки может кто-то из вечных трудоголиков еще остался в офисе? Может, Вика? Она не должна отказать.

Я сжала Верочкину руку и решительно сказала:

— Сейчас зайдем ненадолго на мамину работу. Хорошо? Вера кивнула. Я невесело усмехнулась.

— Если повезёт — там будут печеньки. В крайнем случае,

хотя бы их поедим...

В холле было пусто. Ни одной живой души. Только гул кондиционера и яркий свет лампы. Как назло, именно сегодня никто не задержался на работе.

Я достала кошелек — мелочь, пара соток и старый чек. Набрала Дениса, но он, конечно, не взял трубку. Звонить кому-то еще с просьбой о деньгах на еду казалось настолько унижительным, что я не могла себя заставить.

Я смотрела на то, как Верочка, которую я посадила на диванчик возле ресепшна, нервно теребит край своей куртки. Хотелось бы, чтобы она всего этого не замечала. Моего отчаяния, бессилия, злости. Но она, несмотря на свою немоту, удивительно сообразительная девочка с взрослым, всё понимающим взглядом.

— Прости, солнышко, — прошептала я и наклонилась к телефону, чтобы записать голосовое. Хотела говорить тихо, чтобы дочка не слышала, но с каждым словом голос становился все громче, резче.

— Денис, ты подонок, — прошипела я в трубку. — Ты оставил своих детей без копейки денег. Им нечего есть. Ты это понимаешь? Твоим детям нечего есть! Я пахала как проклятая, получила зарплату, но мою карту заблокировали из-за твоих долгов!

На последнем предложении мой голос захлебнулся в рыданиях, я присела на карточки возле своего рабочего стола, спряталась за ним, чтобы Вера меня не увидела, и заплакала

от бессилия. Все это время я держалась, не позволяла себе ни слезинки проронить, как бы тяжело не было, но эта ситуация выбило почву у меня из-под ног.

И именно в этот момент, сквозь рыдания, я услышала как дверь кабинета открылась. Потом раздались быстрые шаги.

Я вздрогнула. Верочка обернулась, поджав ноги под себя. Воронцов вышел в коридор, держа в руке папку с бумагами. На лице то самое хмурое, сосредоточенное выражение лица, которое я уже выучила за последние недели. Рукава рубашки закатаны до локтя, вид уставший, но уверенный. И удивленный. Очевидно, что он слышал все — мои крики и упреки Денису и последовавшие за ними рыдания. Бесполезно скрывать.

Но я все равно осталась на своем месте, в глупой надежде, что, если я буду достаточно хорошо прятаться, он уйдет.

— Кузнецова, вылезайте из своего укрытия, — сказал он и повернулся к моей дочери. — А кто это у нас тут? Очень важный клиент? Привет, малышка.

Воронцов присел на корточки перед Верой, протянул ей руку и со всей серьезностью пожал ее крошечную ладошку.

— Будешь печенье? Тебе принести? — спросил он и, не дождавшись ответа, направился в сторону кухни, где лежали офисные запасы.

Этих нескольких минут его отсутствия мне хватило для того, чтобы немного прийти в себя. Я, наконец, встала на ноги, вытерла слезы, поправила потекшую тушь, собралась

с силами.

— Мы уходим сейчас, — сказала я резко, когда Воронцов вернулся в коридор. — Извините за то, что...

Он нахмурился так, что мне пришлось замолчать. Кроме того, я увидела, что вместе со стаканом молока и печеньем на подносе, который он нес, лежит бумага и цветные карандаши. Очевидно, что он хотел чем-нибудь занять Веру. На какое-то время я даже лишилась дара речи, потому что зрелище было из ряда вон необычное — Воронцов, которому все приносят на блюдечке, несет маленькой девочке поднос. Странная, но глубоко умилительная картина.

Предложив Верочке перекус и порисовав с ней немного, Воронцов подошел ко мне. Я все еще стояла возле своего рабочего стола в полной растерянности.

Он подошел и очень тихо спросил:

— Что вы здесь делаете?

Я почувствовала, как в горле снова поднимается что-то вязкое. Говорить не хотелось. Потому что, если я начну говорить, то снова начну и плакать.

— Я думала, что тут еще есть кого-нибудь из сотрудников. Хотела... спросить кое-что, — пробормотала я.

Воронцов кивнул.

— Ну вот он я. Один из сотрудников. Спрашивайте, о чем вы хотели спросить.

Я отрицательно покачала головой и опустила взгляд в кусок пола, который все еще создавал промежуток между на-

ми. Он был небольшим.

Но Воронцов шагнул еще ближе. Его взгляд скользнул к Верочке, потом вернулся ко мне.

— Что у вас случилось? — спросил тихо. — Говорите, я уже понял, что что-то серьезное произошло...

И я решилась. Какой смысл скрывать, если он и так большую часть уже услышал?

— Мне приставы заблокировали зарплатный счёт, — произнесла я. — Из-за долгов бывшего мужа. Я хотела купить детям продукты, и... — я пожала плечами, изо всех сил сдерживаясь, чтобы голос не сорвался. — Не получилось. И я вернулась в офис, чтобы у кого-нибудь занять денег...

Выслушав, Воронцов кивнул и направился обратно в свой кабинет. Меньше, чем через минуту, он снова оказался передо мной. И протянул конверт.

Я испуганно попятилась, закачала головой.

— Нет, что вы, что вы, не на... — но он уже всучил его, засунул прямо мне в руку.

— Берите! Эта ваша же зарплата! Наличными. За месяц, — уточнил он, поймав мой растерянный взгляд. — И не спорьте. Вы, черт возьми, заработали эти деньги! И должны иметь возможность ими распоряжаться!

— Я... — я не знала, что сказать. — Спасибо...

— Это не жест доброй воли, — его голос стал жёстче. — Это справедливость.

Я кивнула. Потому что и этого было достаточно.

Он посмотрел на меня пристально и вдруг добавил:

— Я сейчас вас отвезу. Помогу с продуктами — вам, наверняка, будет тяжело тащить одной с ребенком. Подождите, я только возьму ключи.

И, не дождавшись моей реакции, развернулся и снова скрылся в своем кабинете.

Глава 10

В понедельник я старалась лишний раз не попадаться Воронцову на глаза. С головой ушла в таблицы, письма и соглашения. Таким образом я собиралась показать ему, что хорошо понимаю принципы субординации и не смешиваю работу и личную жизнь. То, что Воронцов помог мне, не значит, что теперь мы с ним друзья или что-то вроде того.

Однако этот человеческий поступок оставил после себя странное, неловкое тепло. Потому что меня выручил именно тот, от которого вообще не ожидаешь подобных жестов.

В противоположность Воронцову, отец моих девочек предпочел остаться в стороне — Денис по-прежнему игнорировал мои сообщения. А чужой по сути человек, строгий начальник, которого все боятся, который легко может довести до слез, проявил неожиданную заботу. А как он играл с Верочкой! А она вообще-то не любит чужаков, редко кого-то к себе подпускает.

До обеда Воронцов был занят. Когда я уже надеялась на то, что мы до конца дня с ним не пересечемся, он вышел из кабинета и направился прямо ко мне. Следом за ним шел мужчина в строгом костюме и очках.

— Маргарита, познакомьтесь, это Михаил Игоревич, наш корпоративный юрист.

Я встала. Поправила волосы, испуганно посмотрела на

мужчину. Меня поразило то, что Воронцов впервые назвал меня просто по имени.

— Здравствуйте, — выдавила я.

— Михаил Игоревич поможет вам со всем, что касается развода. С разделом имущества, алиментами, судом, — продолжил Воронцов. — И с долгам. Если есть возможность защитить вас юридически — поверьте, он ее обязательно найдет.

— Подождите... Это правда необязательно. Я сама как-нибудь... Мне неудобно...

Воронцов посмотрел на меня с таким выражением, словно еле сдерживался, чтобы не попросить меня перестать пороть всякую чушь.

— У вас дети, подумайте о них, — сказал он. — А у вашего бывшего — долги. Вам необходимо сделать все, чтобы обезопасить себя и своих девочек, иначе он и вас затянет в долговую яму.

Я понимала, что он прав. Но когда так долго справляешься одна со всеми проблемами, привыкаешь к этому настолько, что любое предложение помощи кажется оскорблением.

— Я не уверена, что смогу оплатить услуги юриста... — пробормотала я. Это единственное, что мне пришло на ум.

— Уже все оплачено, — отмел мое возражение Воронцов. — Как часть вашей корпоративной поддержки. У нас есть социальная программа, если что.

Я знала, что это неправда. Ни у кого в отделе не было «со-

циальной программы» с юристами. Это — его воля. Его личное желание мне помочь.

— Спасибо, — выдохнула я. — Правда. За всё.

— Пока не за что. Кроме того, я хорошо понимаю, что в ближайшие месяцы вы будете по уши завалены работой и не сможете заниматься документами и судами. Я всего лишь освободил вас для того, чтобы эксплуатировать самому. Так что не обольщайтесь.

На этих словах Воронцов неожиданно подмигнул мне и ушёл.

Его последнюю фразу можно было бы расценить как шутку, но я сразу поняла, что Воронцов всерьёз собирается выжать меня до последней капли. Освободив от необходимости заниматься разводом и от необходимости думать о том, что мои дети завтра будут есть, он загрузил меня работой по полной. Ближайшие две недели я работала, не поднимая головы.

Но в тот день я почти с утра прикидывала, как бы мне сбежать из офиса пораньше. У Верочки сегодня должен был быть первый в ее жизни утренник, и я просто не могла его пропустить. Постаралась сделать все, что от меня требовалось пораньше, а часть документов планировала взять с собой.

Но когда стрелка приблизилась к заветному часу, как гром среди ясного неба раздался его голос.

— Маргарита, вы свободны?

Я застыла с сумкой в руке.

— На пару минут, — позвал Воронцов. — Зайдите, пожалуйста.

В конце рабочего дня он выглядел так же безупречно, как и в его начале. Словно его не касались ни время, ни усталость, ни человеческая суета.

— А вы бодрячком, — заметила я. — Пока ваши сотрудники допивают пятую кружку кофе...

— Мой секрет — это спортзал, — поделился Воронцов. — Он дает заряд энергии прямо с утра и на целый день. Попробуйте, вам понравится!

— Ага. Обязательно. Где-то между детским садом, школой, супермаркетом и готовкой обязательно забегу в спортзал!

Воронцов посмотрел на меня укоряюще.

— Если хочешь, всегда найдешь способ! Можете ходить в тот же зал, в который хожу я, рано утром, перед работой. Он в этом же здании...

— Хорошо, я подумаю, — я растерялась при мысли о том, что мой начальник, кажется, только что предложил мне ходить в зал вместе с ним. Как минимум, это странно...

— Я хотел обсудить с вами презентацию с клиентом, которая будет в понедельник, — Воронцов тоже как-то нервно хмыкнул и быстро свернул на рабочий лад.

Он начал говорить, с каждой минутой воодушевляясь все больше. Потом даже встал, начал ходить по кабинету, распи-

наясь. Увлеченно рассуждал о структуре презентации, о том, как лучше подать цифры, как преподнести идею заказчику, чтобы «зацепить с первой минуты».

Я кивала, старалась слушать, но со временем все начало сливаться в монотонный поток звуков. Всё, что я слышала — это тиканье собственных наручных часов. Оставалось восемь минут до начала утренника. Я уже представляла глаза Верочки, когда она не обнаружит меня среди гостей.

Воронцов снова сел за стол, начал листать бумаги. Медленно. Методично. Казалось, он намеренно тянет время. Или я просто схожу с ума от спешки.

Я заёрзала в кресле. Пальцы вцепились в подлокотники, но я даже пыталась что-то ему отвечать, хоть все мои мысли сейчас были связаны с дочерью.

— У вас есть право на инициативу, но с инициативой приходит и ответственность. Это не только про идеи. Это про аргументацию. Подтверждение. Защиту своей позиции, — рассуждал Воронцов. — Вы всё ёрзаете и ёрзаете. Что-то не так?

— Нет. Я просто... — и снова невольно посмотрела на часы.

Он прищурился.

— Куда-то спешите?

— Да... Сегодня утренник в саду у дочери... Я обещала ей быть...

Он уставился на меня так, будто я только что перебила

монолог великого мыслителя.

— Простите, но для меня это правда очень важно — сегодня там быть.

— Важнее обсуждения проекта, над которым вы работаете?

— Да, — сказала я уверенно. — Мои дочери для меня важнее, чем моя собственная жизнь, что уж тут говорить о работе. Когда-то я готова была здесь ночевать, но с их появлением все изменилось. Вам этого, конечно, не дано понять...

— Это еще почему?

— Ну потому что... Потому что у вас нет детей!

— С чего вы это взяли?

— Простите?

— С чего вы решили, что у меня нет детей?

Я растерялась.

— Вы же... вы ни разу... я просто думала...

— Вот именно, — он усмехнулся. — Вы думали. Вы судите обо мне, будто знаете хоть что-то. Но вы не знаете обо мне ничего.

— Простите. Я не имела права...

— У меня есть дочь. Ей девять. Живёт со своей матерью, — он говорил отрывисто, без подробностей, словно вырывал фразы из себя. — Я вижусь с ней нечасто. По выходным — если позволяет график. Иногда не получается месяцами.

Он поднял на меня глаза. В них не было ни тени при-

вычной надменности. Только какая-то странная отстранённая боль.

— Её зовут Даша, — добавил он.

Я наклонилась вперед, чтобы быть ближе к нему. Поддерживать его в этот момент откровенности — если не прикосновением, то хотя бы жестом, взглядом.

— Почему вы о ней не рассказывали? — спросила я почти шёпотом.

— Потому что я плохо справляюсь с ролью отца.

Я хотела что-то сказать, но он поднял ладонь, давая понять, что не нуждается в утешениях.

— Мы с ее матерью расстались... сложно. Не хочу вдаваться в подробности. Но теперь у меня есть только работа. И редкие встречи с дочерью. Но, конечно, я прекрасно понимаю, что многое упускаю в ее воспитании, в становлении ее личности... И, конечно, это меня постоянно грызет.

Он замолчал. Я молчала тоже. Не потому что не знала, что сказать — просто боялась нарушить что-то хрупкое, что вдруг возникло между нами. Как тонкий лёд на весенней луже.

— Бегите, Рита, — выдавил Воронцов наконец. — Сегодня вы сделали больше, чем должны были. Бегите.

Я кивнула. Поднялась. Пошла к двери. Но перед тем, как выйти, всё-таки обернулась.

— А как же... Подготовка к презентации?

Он пожал плечами.

— Будем надеяться, что вы готовы.

Я еще немного поколебалась, но все-таки решилась это произнести.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.